

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»

119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента

по диссертации Алексева Георгия Валерьевича

«Правовое взаимодействие международных неправительственных
организаций и государства в киберпространстве» по специальности

5.1.5. Международно-правовые науки, представленную на соискание учёной
степени доктора юридических наук, выполненную на кафедре
международного и гуманитарного права Северо-Западного института
управления Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

Актуальность диссертационного исследования Георгия Валерьевича
Алексева обусловлена радикальными изменениями в механизмах
взаимодействия в международной институциональной системе, концепция
которой была выдвинута профессором Л.Н. Галенской.¹ Международная
институциональная система рассматривалась ею как определенная подсистема в
системе современных международных отношений.

В 2011 году официальным оппонентом выдвинута идея
дифференциации международной институциональной системы ввиду
качественного своеобразия отдельных групп международных отношений. В
отдельных областях международных отношений формируются подсистемы
международной институциональной системы. Одной из таких подсистем стала
международная институциональная система в сфере информации,
характеризующаяся специфическими целями и задачами функционирования,
а также особыми функциями.

¹ Галенская Л.Н. Международная институциональная система // Российский ежегодник международного права. 1993. - СПб.: Изд-во «Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2003. - С. 263-267.

Целью функционирования международной институциональной системы в сфере информации стало формирование информационного общества на всех уровнях: универсальном, региональном, национальном. Однако XXI век принес изменения в регулируемом объекте – появились информационно-коммуникационные системы – искусственный интеллект (ИИ), Большие данные, распределенные реестры, виртуальная и дополненная реальность, метавселенные, токены.

Изменения в регулируемом объекте повлекли изменение функций международной институциональной системы в сфере информации. К числу её задач добавилось обеспечение создания института регулирования информационно-коммуникационных систем в международном публичном и международном частном праве.

Международной институциональной системе в сфере информации присуще разнообразие институциональных образований. К международным институциональным образованиям следует отнести международные организации и органы, которые и выполняют функцию создания эффективного международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем наряду с иными функциями. Системообразующая роль принадлежит ООН, ЮНЕСКО, МСЭ и ВОИС, что не умаляет роли и значения международных неправительственных организаций.

Обособлено системообразующие организации уже достигли определенных результатов в регулировании информационно-коммуникационных систем, преимущественно искусственного интеллекта. Например, Генеральная конференция ЮНЕСКО 24 ноября 2021 года приняла резолюцию «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта». Резолюция ЮНЕСКО определила ценности и принципы использования искусственного интеллекта.

МСЭ разработал гибкие инструменты стандартизации в области искусственного интеллекта. Это – технические спецификации и требования к ИИ и другим технологиям, которые делают машинное обучение этическим, предсказуемым, надежным и эффективным. ВОИС с 2019 года проводит Дискуссию по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта и подготовила проект концептуального документа по вопросу влияния ИИ на политику в области ИС. Дискуссия трансформировалась и охватила все передовые технологии.

Инициатива ООН – Глобальный цифровой договор, была призвана наладить межинституционное взаимодействие на универсальном уровне.

Особенности межинституционного взаимодействия международных организаций может быть выявлены с учетом фундаментальных трудов по праву международных организаций Е.А. Шибяевой,² Т.Н. Нешатаевой,³ а также зарубежных исследований по международному институционному праву.⁴

Однако отдельный анализ эффективности взаимодействия международных неправительственных организаций и государств при регулировании информационно-коммуникационных технологий и систем в отечественной доктрине не производился.

Объектом исследования Георгия Валерьевича Алексева стали правовые условия и юридические практики взаимодействия *международных неправительственных организаций (МНПО)* и государств в виртуальной среде, созданной современными цифровыми технологиями (с. 26), что связано с развитием концепции межинституционного взаимодействия в международной институционной системе в сфере информации.

Научная новизна работы обеспечена методологической базой и состоит в обосновании ключевого значения правового взаимодействия государства и МНПО для устойчивого развития киберпространства как объекта международно-правового регулирования (с. 34).

Фундаментальный подход диссертанта обеспечивает **достаточную степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну.**

Положения, выносимые на защиту и имеющие определенную научную новизну:

1. В положении первом, выносимом на защиту, показаны особенности авторской модели правового взаимодействия международных неправительственных организаций и государства и указано, что фидуциарное кибервзаимодействие стало частью фактической и аксиологической основы международного правопорядка, основанного на правилах (RBIO – Rule-Based

² Шибяева Е.А. Международные организации в области транспорта и связи. - М.: Изд-во Института международных отношений, 1960. - 105 с.

³ Нешатаева Т.Н. Влияние межправительственных организаций системы ООН на развитие международного права. Дисс. ... д.ю.н. М.: 1993. - 475 с.

⁴ Klabbers J. An Introduction to International Institutional Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2002. - 399 p.; Schermers H.G., Blokker N.M. International institutional law. - Leiden: Koninklijke Brill NV, 2011. - 1273 p.

International Order). Также охарактеризованы типичные модели международных правовых отношений в рамках RBIO, которые сформировали международную систему цифровой помощи, где органы внешних сношений и другие гуманитарные структуры развитых государств, такие как Россотрудничество, могут принимать на себя обязательства и оказывать содействие развивающимся государствам в преодолении всех форм цифрового разрыва в соответствии с обязанностью государств сотрудничать друг с другом и принципом невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. Несмотря на спорность концепции «RBIO – Rule-Based International Order», это положение, выносимое на защиту, характеризуется новизной. Оно обосновано в главе первой работы.

2. Во втором положении, выносимом на защиту, объединены два тезиса: 1) обоснован базовый характер международно-правового концепта «киберпространство», который определяется как область цифровой среды с транснациональным правовым режимом, где принципы международного сотрудничества и защиты прав человека при условии взаимного доверия развитых государств и МНПО, а также добросовестного исполнения этими игроками (актерами) обязательств в соответствии с международным правом, приводят к развитию цифровых международных форматов и функциональных правовых фреймов, обеспечивающих справедливую защиту национальных и корпоративных интересов в результате распределения цифровых активов и защиты права доступа к цифровым платформам; при этом принципиальная обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН (п.3 ст.1, ст. 56) гарантирует развивающимся государствам право доступа к цифровым технологиям и ресурсам киберпространства, в свою очередь все МНПО получают доступ к ресурсам цифровой среды на основе собственных миссий при уважении мировым сообществом принципа защиты прав человека и цифровой свободы; 2) разработан теоретический базис конструктивизма, основанного на доверительном взаимодействии публичных и частных акторов (фидуциарного конструктивизма), который характеризует правила взаимодействия игроков на цифровых платформах так, что в рамках принципа легальности возникает эмерджентная транснациональная среда цифровой свободы, кибербезопасности и стратегического доверия, а в режиме наибольшего благоприятствования под юрисдикцией развитых государств МНПО распределяют цифровые активы по правилам, в результате

чего у всех, кто участвует в доверительном цифровом общении, появляются защищённые законом субъективные цифровые права и обязанности. Данное положение отражает авторскую позицию и является новым по существу. Оно обосновано в главе первой диссертации.

3. Авторская позиция выражена и в положении третьем, выносимом на защиту: сбалансированное действие общих принципов суверенного равенства государств и защиты прав человека позволяет государствам при взаимодействии с МНПО, реализующими стратегии цифрового развития и действующими в рамках правопорядка, основанного на правилах в киберпространстве (RBOCS - Rule-Based Order in CyberSpace), сформировать защищённые платформы под национальной юрисдикцией; на основе анализа влияния общих принципов международного права на взаимодействие государств и МНПО в Сети сформулированы такие специальные принципы кибервзаимодействия, как: (1) защита цифровых прав, (2) легальность и обязанность содействия в борьбе с общеуголовной киберпреступностью, (3) неделимость кибербезопасности, (4) демократическое лидерство и стратегическое доверие в Сети; аргументирована необходимость широкого международного признания таких принципов ввиду того, что все платформы киберпространства им подчиняются для поддержания доверия и цифровой свободы в форматах и фреймах RBOCS. В части попытки систематизации специальных принципов данное положение обладает несомненной новизной. Оно обосновано в главе второй диссертации.

4. В положении четвертом, выносимом на защиту, автор демонстрирует собственное понимание цифрового суверенитета как обеспеченной национальным законодательством, цифровыми технологиями, аппаратным, культурным и дипломатическим потенциалом, способности государства: (1) проводить независимую от интересов зарубежных элит стратегию информационной безопасности, основанную на содействии миссиям лидеров в цифровой среде, (2) практиковать в киберпространстве при помощи МНПО экстерриториальную юрисдикцию в рамках принципов международного права, (3) признавать эмерджентные цифровые возможности виртуальных сообществ и использовать их в национальных интересах. Авторская позиция характеризуется относительной новизной. Данное положение обосновано в главе первой диссертации.

5. В положении пятом, выносимом на защиту, объединены три тезиса: 1) посредством включенного наблюдения и сравнительно-правового анализа

актов МНПО выявлена транснациональная правосубъектность государств и МНПО в киберпространстве, она обусловлена существованием у всех игроков юридически обеспеченных цифровых обязанностей и возможностей для реализации цифровых реальных и виртуальных прав; 2) в предложенной авторской классификации реальные цифровые права связаны с созданием и обеспечением бесперебойной работы технической инфраструктуры Сети, а также с фактическим доступом к ресурсам и благам киберпространства; реальные цифровые права реализуются игроками под юрисдикцией государства или на пространствах с международным режимом и порождают привилегии для физических лиц; виртуальные права являются вторичными по отношению к реальным в том смысле, что они не получают юрисдикционной защиты от государства без признания им реальных цифровых прав; виртуальные права существуют в форме цифрового кода только при условии функционирования Сети по правилам и реализуются всеми акторами (игроками) на её платформах; 3) доказано, что обеспечение доступа к Сети, то есть создание условий для реализации реальных цифровых прав для всех, стало обязанностью современного правового и демократического государства в рамках RBIO и §10 Глобального цифрового договора 2024 г. Первый тезис является новым, хотя и спорным. Он обоснован в главах первой и третьей диссертации.

6. Новым является положение шестое, выносимое на защиту. В отдельную группу выделены неформальные *международные организации, обладающие только виртуальной компетенцией (VINGO – Virtual INGO)*; к числу VINGO относятся виртуальные сообщества, общественные и добровольческие движения, такие как диджерати и криптоактивисты. Введена категория «виртуальной компетенции» как имманентной способности цифровых сообществ участвовать в управлении платформами Сети, создавать правила для распределения цифровых активов и совершать креативные или эвристические юридически значимые действия в киберпространстве для реализации цифровых реальных и виртуальных прав при выполнении миссий, отражённых в их учредительных актах (конституциях), в том числе программных декларациях-правилах (белых книгах). Также выдвинут тезис, что агенты AI, разработанные и администрируемые международными квазиорганизациями, могут признаваться государствами в качестве акторов – носителей виртуальной

компетенции. Данное положение обосновано в главах третьей и четвертой диссертации.

7. Положение седьмое, выносимое на защиту, содержит новое авторское понимание «глобальной среды цифровой свободы» как ряда взаимосвязанных функциональных систем и правовых фреймов RBOCS: (1) когнитивной системы в интерактивных и медиативных контент-фреймах, (2) креативной системы в интеллектуальных фреймах, (3) экономической системы в аксиологических фреймах, (4) технической системы интерфейс-фреймов. Автор указывает на «специальные принципы, правила и нормы транснационального права, обеспечивающие реализацию цифровых прав и обязанностей акторов во фреймах RBOCS, сложившихся в функциональных системах кибервзаимодействия». Данное положение обосновано в главе пятой диссертации.

8. В положении восьмом, выносимом на защиту, содержится новое авторское предложение по «организации международного сотрудничества Российской Федерации с МНПО для противодействия киберпреступности и насильственному экстремизму на региональном уровне, например, в рамках СНГ, ЕАЭС и ШОС». Это предложение раскрыто в параграфе 4.3. диссертации.

9. В положении девятом, выносимом на защиту, содержится авторское определение «агрессивных операций в киберпространстве» в рамках метадискурса «информационная война» как системы недружественных действий и ответных реторсий, основанных на конкуренции и взаимном недоверии (distrust) игроков, то есть в рамках RBOCS государства, транснациональные корпорации (ТНК) и МНПО не признают принцип взаимности, но обладают возможностями для асимметричного ответа при защите своих интересов и цифровых прав. Это положение содержит также новые предложения: 1) Совету Безопасности ООН предлагается в соответствии с принципом неделимости информационной безопасности создать формат работы для реагирования на недружественные операции государств и МНПО в киберпространстве; 2) для преодоления угроз и вызовов дисфункции цифровых платформ и аномии в Сети развитие государства вправе создавать и реорганизовывать МНПО с миссиями по гармонизации киберправа, защите цифрового суверенитета и обеспечению состояний международного доверия и кибербезопасности. Данное положение обосновано в параграфе 4.3. диссертации.

10. В положении десятом, выносимом на защиту, автор вносит новое предложение «в российских национальных интересах для обеспечения единства евразийского экономического и информационного пространства согласовать императивный транснациональный порядок доступа к ресурсам Сети и её виртуальным платформам на уровне интеграционных объединений государств (СНГ, ЕАЭС и Союзного государства) и технически обеспечить его соблюдение, учредив компетентную и независимую МНПО». Это предложение обосновано в параграфе 3.2. диссертации.

11. Новым является одиннадцатое положение, выносимое на защиту: 1) автором разработан механизм международно-правового регулирования транснациональных отношений в функциональных системах фидуциарного кибервзаимодействия, где происходит правотворческая работа и формируются отраслевые фреймы киберпространства; 2) им также аргументирована необходимость консультаций публичной власти с лидерами национального и зарубежного интернет-сообщества для достижения консенсуса в решении проблемы радикализации интернет-дискурса, и показано то как суверенное, но необоснованное, запретительное регулирование ведет к цифровым разрывам; 3) «Общество Интернета» характеризуется как глобальное общественное движение; что дипломатическая работа «Российского общества Интернета» в национальных интересах будет способствовать доверительному диалогу в правозащитной системе МНПО под эгидой ООН и социально-технической системе МНПО сформировавшейся вокруг Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN – Internet Corporation for Assigned Names and Numbers); 4) Инженерный совет Интернета (IETF – Internet Engineering Task Force) в системе права ICANN обладает виртуальной компетенцией в связи с признанием его миссии в интерфейс-фреймах всеми акторами (игроками) креативной и экономической систем кибервзаимодействия. В системе цифровой помощи выявлен ряд компетентных в технической системе киберпространства NGO (TANGO – Technical Assistance NGO), которые обязаны содействовать развивающимся государствам в преодолении цифрового разрыва, обеспечении кибербезопасности и стратегического доверия к цифровым технологиям. Данное положение обосновано в главе третьей диссертации.

12. В положении двенадцатом, выносимом на защиту, автор касается новой концепции – «транснационального права киберпространства

(transnational cyberspace law)». Им выявлены «нормативно-правовые акты МНПО, которые квалифицируются мировым сообществом и отдельными государствами как правообразующие юридические факты при условии их соответствия специальным принципам кибервзаимодействия», а также доказано, что «отсутствие организационно-правовой формы у VINGO не исключает признание государством её статуса и виртуальной компетенции; вместе с тем защита цифровых прав виртуальных сообществ под конкретной юрисдикцией зависит от взаимного доверия каждого из них с государством». Данное положение обосновано в главе третьей диссертации.

13. В положении тринадцатом, выносимом на защиту, автором введена новая категория «цифровой дипломатии». Им доказано, что статус «*persona grata*» для МНПО в системе ООН позволяет им пользоваться привилегиями в киберпространстве и режимом наибольшего благоприятствования под дружественными юрисдикциями. Предлагается в интересах обеспечения национальной информационной безопасности наделить через ризоматическую сеть МНПО более широкой виртуальной компетенцией российское движение «Народная дипломатия» и обеспечить международное доверие к его демократическому лидерству. Также аргументирована рациональность выбора в пользу аккредитации конкретной МНПО государством и признания её виртуальной компетенции в предметном поле дипломатического права, при совпадении миссии МНПО с национальными интересами всех развитых государств. Это положение обосновано в главе четвертой диссертации.

14. В положении четырнадцатом, выносимом на защиту, с применением прогрессивного метода - теории игр, к институтам транснационального права киберпространства доказана необходимость защиты свободы слова, законодательного запрета цензуры и привлечения экстремистов к ответственности за диффамацию в киберпространстве для создания и применения МНПО платформенного права, пользующегося доверием со стороны развитых государств. Также обоснована необходимость защиты интеллектуальных и цифровых прав членов российских и международных научных и творческих союзов (TUNGO – Trade Union NGO) через совместные усилия государств-членов СНГ и гражданского общества по воссозданию Международной организации журналистов (МОЖ) и содействию её миссии. Это положение обосновано в параграфе 4.4. диссертации.

15. В положении пятнадцатом, выносимо на защиту, автор вводит новую категорию «фреймы» для обозначения всегда существующей проблемы пределов регулирования. Им выявлены когнитивные фреймы киберпространства, которые легитимируют правила, например, в отрасли спортивного права (*lex sportiva*), и корпоративные креативные фреймы международного частного права, такие как рекламное право, право индустрии развлечений (*entertainment law*), право индустрии моды (*fashion law*). Категория «фреймов» определена в параграфе 3.3. диссертации.

16. Шестнадцатое положение, выносимое на защиту, отражает авторскую позицию по преодолению «цифрового разрыва». Автором предлагается: 1) система цифровой помощи в политике ТНК по внедрению креативных и аксиологических фреймов RBOCS через специальные учреждения ООН и крупные МНПО (BINGO – Big INGO) в национальные правовые порядки развивающихся государств; 2) свободный доступ к программному обеспечению и контенту Сети как основа RBOCS, «то есть реальные цифровые права могут несправедливо ограничиваться интеллектуальными фреймами или аппаратными средствами интерфейса также, как и дефектными запретительными нормами национального законодательства, что требует (в ответ) поддержания доверия между государствами и МНПО компетентными в области разрешения споров о цифровых активах и правах». Проблема «цифровой помощи» поставлена в главе первой диссертации и последовательно раскрывается в главах третьей и четвертой диссертации.

17. В положении семнадцатом, выносимом на защиту, автор обращается к относительно новой проблеме регулирования цифровых активов (рассматривалась УНИДРУА): «конкуренция на рынке цифровых активов требует признания и правовой защиты государством цифровых прав, вместе с тем доверие в аксиологических фреймах транснационального права киберпространства, например, в сфере криптовалют, зависит от метода распределения цифровых активов и предполагает отсутствие у игроков компетенции по несогласованному изменению правил взаимодействия, что ведет к автоматизированной защите цифровых прав VINGO и работе платформ AI за рамками национальной юрисдикции государств». Данное положение обосновано в параграфе 3.3. диссертации.

18. Новым является обобщение предпосылок «доверительного правового взаимодействия государств и МНПО в киберпространстве»,

данное в положении восемнадцатом, выносимом на защиту. Автор отметил: «(1) содействие лидеров гражданского общества и органов государственной власти для обеспечения цифровой свободы и безопасности при реализации цифровых прав под национальной юрисдикцией развитых государств, (2) регулирующую и защищённую законом конкуренцию между цифровыми ТНК и другими компетентными игроками на рынке цифровых активов, а также (3) организацию игроками противодействия киберпреступности, пропаганде насильственного экстремизма, вмешательству в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, другим проявлениям деструктивной киберактивности». Данное положение обосновано в главе четвертой диссертации.

В целом работа полностью соответствует паспорту научной специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки». Диссертация Г.В. Алексеева представляет собой обобщенное исследование, отличается основательностью исследования, материал изложен весьма последовательно, выводы автора убедительны. Апробация результатов диссертационного исследования представляется весьма достойной. Вместе с тем следует обратить внимание на **обстоятельства, заслуживающие обсуждения:**

1. Базовой для диссертационного исследования является концепция «порядка, основанного на правилах», которая не соответствует классической отечественной доктрине международного права (С.В. Черниченко, Г.И. Тункин, И.И. Лукашук, Г.В. Игнатенко). В частности, на с. 64 диссертации содержится утверждение о том, что «VINGO определённо ускоряют социально-технический прогресс, действуя за рамками законодательства и используя свободу слова и анонимность для имплементации диспозитивного метода правового регулирования в аппаратном слое киберпространства, создавая там особый режим обычного международного транснационального права, который следует понимать, как специальный случай RBIO». На наш взгляд, диссертант опирается на весьма спорную концепцию «порядка, основанного на правилах», не учитывая как особенности системы международных отношений, так и четкое разграничение международного и транснационального права (Л.Н. Галенская).

2. Определение «киберпространства» как области «цифровой среды с транснациональным правовым режимом, где принципы международного сотрудничества и защиты прав человека при условии взаимного доверия развитых государств и МНПО, а также добросовестного исполнения этими

игроками (актерами) обязательств в соответствии с международным правом, приводят к развитию цифровых международных форматов и функциональных правовых фреймов, обеспечивающих справедливую защиту национальных и корпоративных интересов в результате распределения цифровых активов и защиты права доступа к цифровым платформам» слабо систематизировано и не учитывает свойства киберпространства как объекта регулирования международным и транснациональным правом в их соотношении.

3. Вызывает сомнение императивный характер и «концентрированность содержания» (Р.Л. Бобров) принципов международной информационной безопасности и демократического лидерства и доверия в киберпространстве. На наш взгляд, это социальные явления, но не правовые принципы. Автор также не определил системную принадлежность предлагаемых им специальных принципов.

4. Не согласуется с теорией международного права (Г.И. Тункин, С.В. Черниченко) понятие «цифрового суверенитета» (с. 145-147 диссертации). Классическое понятие суверенитета государства основано на Конвенции Монтевидео 1933 г. Она рассматривает суверенитет государства в целостном аспекте. Из принципа суверенного равенства государств вытекают суверенные права государства создавать свою информационную систему, осуществлять контроль за разработкой и использованием информационных технологий и систем. На наш взгляд, реализация суверенных прав государств не ведет к «делению» суверенитета.

5. Авторская категория «транснациональная правосубъектность» не определена в соотношении с международной правосубъектностью. На наш взгляд, эти категории нельзя «смешивать». МНПО не обладают международной правосубъектностью – для международного публичного права они индигенаты (Л.Н. Галенская).

6. Понимание автором введенной им категории «виртуальной компетенции» наносит ущерб принципу суверенного равенства государств. В частности, автор полагает, что «доверительное кибервзаимодействие является транснациональным правоотношением при условии признания государством виртуальной компетенции INGO и реализации цифровых прав сторонами. Признание виртуальной компетенции авторитетных INGO при соблюдении ими согласованных принципов, правовых стандартов и правил, - важнейший элемент конструктивной стратегии развития информационного

общества и современного правового государства» (с. 299). В конструкции автора «виртуальная компетенция» возникает помимо воли государств, а затем ими признается. Как следствие, отрицается распространение юрисдикции государств и принципов международного права на новые группы международных информационных отношений в момент их возникновения.

7. Для определения правового режима МНПО автором вводятся две различные категории «наибольшего благоприятствования» и «преференциальный режим» (с. 80). Эти категории имеют четкое доктринальное содержание в международном экономическом праве (Г.М. Вельяминов), основанное на международных документах. В диссертационном исследовании не раскрывается ни содержание этих категорий, ни специфика их применения к международным информационным отношениям.

С учетом изложенного, считаю целесообразным допустить до защиты на заседании диссертационного совета ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» диссертацию Алексева Георгия Валерьевича на тему: «Правовое взаимодействие международных неправительственных организаций и государства в киберпространстве», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки».

Заключение: Диссертация Алексева Георгия Валерьевича «Правовое взаимодействие международных неправительственных организаций и государства в киберпространстве» является научно-квалификационной работой, в которой содержится *решение научной проблемы, имеющей важное социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение*, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от

